

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

ЖЕСТОКИЕ
ПРАВЫ

ЛЕГКАЯ
ПАЛАТА

Надежда Нелидова

Легкая палата

Серия «Жестокые нравы», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18170101
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Хорошо известная нам районная поликлиника. Это Храм, где жизнь безжалостно отделяет Главное, Настоящее от второстепенного, наносного. Боль, страдания, страх, надежда, ликующее выздоровление, рождение заново – или отчаяние и смерть. Нынче больницы из Храмов глумливо превращены в отхожее место, где измотанные врачи и униженные пациенты выясняют отношения. Как важно до последнего оставаться Человеком.

Содержание

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ	4
ИТАЛЬЯНКИ В РОВЕНЬКАХ	
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Надежда Нелидова

ЛЕГКАЯ ПАЛАТА

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИТАЛЬЯНКИ В РОВЕНЬКАХ

– Женя приехала, Женечка!

– Алло, Людмила Серафимовна, через три минуты я у вас!

И вот Женя Вахрушева (бывшая воспитанница Ровеньковского детского дома, ныне гражданка Италии сеньора Поволи) пьёт чай в крошечной кухне у своей бывшей классной руководительницы. Сколько она сживала в этих стенах, за этим столом... В последний раз – три года назад. За это время поменяла работу, двух мужей, два города, три виллы, разочаровалась в любовнике и вновь сошлась с мужем (первым).

А здесь время остановилось. Жестяное тиканье старого будильника. Под окном у гастронома (по-новому, супермаркета) грохот выгружаемых пластиковых ящиков. За стеной бессмертный пенсионер жужжит дрелью.

Разговоры, разговоры, пока не синее за окнами. Людмила Серафимовна стелет гостье на своей коечке.

Женька проснулась от щелчка входной двери: Людмила Серафимовна вернулась из больницы. Вчера она говорила, что участковой врачихе не понравились последние анализы, нужно пересдать.

Обычно учительница тихонько заглядывала в затемнённую шторами комнату: спит ли гостя, не пора накрывать завтрак? А тут десять, двадцать минут прошло – никого. Женька, завернувшись в одеяло, сладко позёвывая, выглянула в кухню – и зевок застрял в середине. Людмила Серафимовна сидела за пустым столом, плечи под жакетом мелко, по-цыгански вздрагивали: она плакала.

– Мартышка к старости слаба глазами стала... Видно, совсем нервы никудышные...

– Помнишь, Женечка, – рассказывала она, уже успокоившись, за чаем, – нашу старую лабораторию? Тут очередь на кровь, тут же в окошко сдают баночки на анализ – одно на всех. Туалет один для мужчин и для женщин. И я вынимаю из сумки свои баночки, и тут... Вижу свой класс! Медкомиссию проходят. Кровь в лицо бросилась. Срам какой!

После завтрака Людмила Серафимовна сообщила печальную новость: очень серьёзно болен Женькин одноклассник Веня. Он давно жаловался, ходил по врачам, а вот просмотрели. И ещё передала Женьке привет от школьного друга, Славика – он в Ровеньковской больнице хирургом работает.

– Куда?! – крикнули Жене. – Не видите, ступить некуда? На улице обождите.

Вообще-то Женька шла навестить Славика. А в лабораторию решила заглянуть из любознательности: неужели всё здесь осталось, как было и десять, и двадцать лет назад?! Хотя тогда это «всё» казалось нормальным.

Через полчаса удалось войти в деревянное здание лаборатории. Ещё через полчаса – даже выгадать посадочное место напротив туалета: совмещённым «М» и «Ж»... Оттуда боком выныривали мужчины и женщины, стыдливо пряча посудинки.

В окошке «сдача анализов» на всеобщем обозрении выстроилась целая батарея баночек с богатейшей цветовой палитрой содержимого: от прозрачно-зелёного до мутно-оранжевого. Удушливо пахло парной мочой, хлоркой, плакали грудные дети.

– По телефону, говорят, на приём не записываем и справок не даём, – понизив голос, рассказывала Женина соседка. – Люди занимают за талонами очередь с шести утра. На завтра пошла затемно. Поликлиника закрыта, на ветру чуть не околела. В полвосьмого запустили, кошмар, у окошка драка. Одной беременной стало плохо, опустилась на корточки...

– Я тоже к доктору никак записаться не могла, – подхватила её собеседница. Эта, напротив, говорила громко, оглядываясь, приглашая людей к участию в диалоге. – Подхожу к

кабинету, представляешь: ни души! Врач-женщина листает глянцевого журнальчик.

«Можно?» – спрашиваю. – «Без талонов не принимаю». – «А платно?» Представляешь, как от чумовой, руками замала: «Нет!!!»

Ну, не первый год замужем, тащу из сумки коробку шоколадных конфет – дорогие, с черносливом, внизу в больничном буфете купленные. Так она чуть в спину не вытолкала: «Не нужно мне ваших конфет, уходите, уходите!»

Женька почувствовала в себе знакомую зарождающуюся мелкую, знобкую дрожь, какую успела подзабыть в последние годы.

В больничном коридоре горела лишь половина ртутных ламп, да и те страдали мерцательной аритмией. Мигали и предсмертно хрипели так, что человеческого голоса не услышишь. На лестнице Женька чертыхнулась, споткнувшись о торчащий кусок линолеума. Чтобы не грохнуться, по инерции на полусогнутых пробежала пару метров. Её подхватили под мышки приятно сильные мужские руки, встряхнули, поставили в вертикальное положение.

– Ух ты, Славик! А я к тебе.

Славик был на два года старше Женьки, его тоже учила Людмила Серафимовна. Средняя школа в Ровеньках была одна, так что старейшая учительница переучила весь посёлок не в одном поколении.

У кабинета с табличкой «Хирург-травматолог» переминалась целая толпа. В полутьме белели гипсовые и бинтовые перевязки, постукивали трости и костыли. Несколько фигур несмело преградили Славику путь. Отчаянно, умоляюще зывали: «Доктор, без талона примете?!» «Доктор, мы тут с семи утра, из деревни...»

Славик в разлетающемся халате торпедой пронёсся мимо, кинув на ходу: «Читать умеете? Приём с девяти». Захлопнул дверь. Стремительно, как всё, что он делал, выдернул из стола графин – почему-то с чаем. Вынул початую коробку шоколадных конфет.

Женька, чтоб унять в себе противную дрожь, плеснула чаю в стакан... Проглотила с выпученными глазами и закашлялась, половину пролила по подбородку и груди. Просипела:

– Славка... Кха-кха... Вот так запросто с утраца – коньячок?

– На, закуси конфеткой. Вкусная, с черносливом. У меня, старушка, два ночных дежурства подряд, четыре операции. Две плановые, две экстренные. Три полостные и внутричрепная, если это что-то тебе говорит. И, заметь, амбулаторный приём – я на полставке травматологом – никто не отменял. Без ста грамм сосудорасширяющего элементарно сваюсь. Так чего тебе?

– Ущипни меня, иначе я сойду с ума, – попросила Женька. Она вкратце передала разговор пациенток: – Ни-че-го не по-

нимаю! Бесплатно врач не принимает. Платно тоже не принимает! За конфеты тоже не принимает! Лю-ю-уди в белых халатах, ау! А если человек, в натуре, подышает?

Славик объяснил:

– Особенности бесплатной провинциальной медицины. Бесплатным, старушка, бывает только что? То-то же.

– Да ведь люди готовы платить!

– А на кой врачу 15 рублей врачу? 15 рублей врачу – это прямое оскорбление. Можно сказать, плевков в лицо.

– Почему 15? – не поняла Женька. – Платный прием стоит 250, преysкурaнты развешены.

– А врачу от них перепадут копейки.

– А остальные куда?

– Это ты у мадам Гладышевой спроси.

– А чего врачихи не берут у больных конфеты, хоть чаю попить?

– А потому что твои больные не проверенные элементы. Может, подсадные утки и агенты мадам Гладышевой, и конфеты их – меченые?! У нас она намерена возглавила очередную кампанию: объявила охоту на врачей-взяточников. Стукaчество между коллег поощряется.

Женьку, вроде бы согревшуюся после коньяка, снова слегка пробил озноб.

– Слав... Про тебя Людмила Серафимовна говорила, что врач от Бога. Ты бы, вместо чтоб спиваться, занялся частной практикой.

– Дурных нема. Чтобы мадам Гладышева налоговую и СЭС натравила? Было дело, по молодости и глупости на собрании выступил. Предложил перейти на сдельную: за каждого «лишнего» пациента надбавка к зарплате. Сразу ситуация высветится: к хорошему доктору очередь, у плохого хроническое безлюдье. Так меня собрание чуть не заклевало. Всех же устраивает уравниловка. Не надо конкурировать, бороться за пациентов, повышать профессионализм. Читать литературу не надо, ездить за свой счёт на курсы, на конференции разные, на симпозиумы. Зато если пациенту хамим или операция с летальным исходом – всегда свалим на маленькую зарплату...

Славик полез в карман халата, кинул в рот мятную жвачку.

– Давай дуй отсюда, старушка. Мне ещё своих больных расшвырять.

– А кого ты называешь мадам Гладышева?

– Съезди в город, в облздрав – увидишь. Начальница наша.

Каменный особнячок прятался под вековыми деревьями, в тихом и зелёном центре города. Здесь же в тени, под табличкой «Только для сотрудников» припарковалось стадо чёрных, с тонированными стёклами, лаковых красавцев авто – не каждый итальянский миллионер себе такие позволит. Дверь закрыта на кодовый замок. Стеклянная клетка охран-

ника пустовала. Из примчавшейся «неотложки» выпорхнула сестричка, потыкала в кнопки, набирая заветное число.

– Вы к кому?! – спохватилась она, но Женька уже проскользнула на запрещённую территорию. Ковры, холлы с белыми кожаными креслицами и диванчиками, стеклянные столы с журналами, жирные пальмы. Стенд с заголовком «Здоровье – это наше всё». На нём яркие фотографии в дорогих багетах: загорелые, белозубые, жизнерадостно смеющиеся люди. Молодая пара на яхте под раздувающимися парусами. Пожилая – в нарядных спортивных костюмах под заснеженными елями. Голенькие малыши строят песочные замки на океанском золотом пляже...

На стене огромный портрет президента и – на всякий случай рядышком – премьера в ту же величину. Мадам Гладышева явно обладала тонким женским вкусом и правильным идеологическим чутьём.

Ура, и секретарши на месте нет. В конце овального огромного, как дрейфующая льдина, стола сидела хозяйка великолепного кабинета: блондинка в тугом, ослепительной белизны халатике, в высокой медицинской шапочке.

– Файка?! Коваль? Ты?! Ты же... – У Женьки чуть с острого язычка не сорвалось: «Ты же в школе тупица была непроходимая. Сколько Людмила Серафимовна с тобой мучилась...»

– Теперь Гладышева, – значительно поправила Фаина. Её супруг, господин Гладышев был депутат Госдумы, коммер-

сант, имеющий диплом американского университета. Знакомясь с красавицей Фаиной, он так и представился: «Стажируюсь в Штатах в университете Пердью». Фаина оскорбилась, вспыхнула, разрыдалась, влепила жениху пощёчину и убежала.

С большим трудом их помирил папа. Молодой Гладышев растерянно бормотал: «Но я действительно учусь в университете Пердью...» – «Вы опять... Это слово?!» – «Не буду, не буду. Боже, какая вы чистая...» Впрочем, как всякий анекдот, этот случай мог обрести гротескными деталями.

– Ой, Файка...

– Ой, Женька...

За кофе с печеньем вспоминали школьные годы.

Кошмар, в магазинах было шаром покати. Китайские джинсы с барахолки кипятили в мешочках – получались «варёнки». Колготы обрезали – вот тебе лосины. Брови выщипывали рейсфедером. Вместо подводки – муслили канцелярский восковой мелок и заострённой спичкой выковыривали липкую черноту. Пудрились зубным порошком, капнув для запаха «Красной Москвы». А лак для ногтей? У учителя рисования выпрашивались пузырьки с краской. Туда из пишущих стержней выдувалась паста: красная, синяя, зелёная, чёрная... И во времена жесточайшего дефицита девчонки, к ужасу учителей, щеголяли на дискотеках с ногтями таких оттенков, какие нынешним готам не снились.

– Фаина Петровна, к вам посетительница.

Голосок секретарши был звонкий, мелодичный – вполне соответствующий стерильному зеркально-стеклянному медицинскому царству.

– Я занята.

– Она с ребёнком.

– Ко мне все с ребёнками. Обождёт.

– Хорошо, Фаина Петровна, – ровно и безучастно сказала секретарша.

– Вымуштровала ты её. – Женька покачала головой. Её опять начало внутренне поколачивать. – Я тут чего пришла...

И она, зная свой взрывной характер, стараясь не распаляться, во второй раз за сегодняшний день подробно изложила больничную «эпопею».

Фаина в ответ вынула из стеллажа толстую папку: натуральная кожа, тиснённая золотом. Женька подпрыгивала на стуле и кипятилась, а Фаина раскрывала на нужной странице «Систему медицинских нормативов по оказанию медицинских услуг населению РФ» – и зачитывала очередной пункт.

Женька говорила: «Скотство», – а по нормативам выходило, что всё чётко и грамотно продумано. Женьку бросало в жар: «Дикость», – а нормативы утверждали: закон не нарушается. Женька задыхалась: «Ужас», – а нормативы обиженно надували губки: пускай эта истеричка что хочет кричит, а нас учёные люди писали.

– Посёлки вроде ваших Ровеньков обречены, – снисходительно, заученно объясняла Фаина. – Специалистов не хватает. Молодые врачи рвутся в большие города, остаются алкаши вроде Славика. Провинциальная медицина нищенствует, – в подтверждение своих слов она качнула тяжёлыми бриллиантами в ушах и платочком смахнула невидимую пыль с толстой дубовой столешницы.

– Но ширму в лаборатории поставить можно?! Окошки, где анализы принимают, в разные концы коридора развести: для мужчин и для женщин отдельно?! На это миллионы нужны? Ты бы слышал, как рыдала бедняжка Людмила. Людей доводить до уровня скотов! Воняет хлоркой, мочой... безысходностью, обречённостью воняет! Ощущение, что идёт отправка в концлагерь!

– Мы не делим людей на мужчин и женщин, – строго возразила Фаина. – Они для нас все больные.

– А наш Веня?! – Женьку несло – не остановить. – Ты знаешь, что у него обнаружили болезнь на запущенной, совершенно неизлечимой стадии?!

– Острая нехватка диагностической аппаратуры, – Фаина одной ручкой подкручивала белокурые кудряшки, другой перекладывала на столе без того идеально лежащие предметы дорогого малахитового письменного прибора. Женька про себя отметила: в Италии такой разве что премьер-министр себе позволит, да и то в подарок. Попробуй купить за

казённый счёт – набегут журналисты, сфотографируют под заголовком «Куда утекают бюджетные денежки»... Налогоплательщики разорвут в клочья.

Женька обняла себя за худые плечи руками, чтобы унять дрожь.

– До революции, – сказала она тихо, – земские врачи определяли состояние больного по запаху его тела. Нюхали пот, мочу, какашки и прочие невкусные жизненные выделения... У женщин – менструальную кровь. За неимением диагностической аппаратуры.

– Я не собираюсь ничего ни у кого нюхать, – обиделась Фаина. – Ты, я вижу, наслушалась пенсионерок в очереди. Им дома скучно сидеть, вот и прутся в больницы. Создают очереди. Отвлекают врачей от прямых обязанностей. Вообще, пенсионеры – это экономическая диверсия в масштабах государства. Наша Людмила Серафимовна не лучше...

То, что произошло дальше, Женька вспоминала как сон. Никто не верил, когда она рассказывала.

– Я просто хотела подшутить, – объясняла потом она, – как в школе, когда дубасили друг дружку портфелем по башке. В шутку. А она не поняла.

Лежащая на столе тиснёная кожаная папка плавно, как в замедленной съёмке, – так, по крайней мере, казалось Женьке – сама собою поднялась в воздух. Описала параболу и опустилась на крахмальную высокую шапочку, смяв её в бесформенный пирожок. Начальница облздрава оцепене-

ла лишь на одну секунду. В следующую вцепилась ногтями в коротенькую, неудобную, соскальзывающую Женькину стрижку каре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.